

Литературоведение в творчестве Ивана Михайловича Гревса

Вступление

Талант профессора Ивана Михайловича Гревса, известного медиевиста, педагога, родиноведа, теоретика экскурсионного дела, многогранен и ярок. Его уникальная личность и обширное наследие не давало покоя уже нескольким поколениям исследователей. Смеею заметить, что к щедрости и самобытности его натуры не останутся равнодушными и новые поколения краеведов и литературоведов, историков и культурологов, философов и религиоведов.

Профессор И. М. Гревс обладал манерой размышлять с пером или карандашом в руках. Неравнодушные, почти болезненное восприятие действительности – часто проникали на страницы его неоконченных рукописей. Иван Михайлович пришёл к заключению, что «история» необходима человечеству как «единство», превращающее «ненужную и забытую» древность в «близкое и необходимое». Учёный часто размышлял над судьбой культуры человечества – «великого и одухотворяюще цельного двигателя», направляющего историю и раскрывающего познание творчества.

Предложив взгляд на исторические эпохи посредством анализа жизни отдельных личностей, учёный отразил в «зеркале мира» сознание конкретных людей. Свои исследования он облекал в «очерки», «опыты», «лики», пробуя себя в различных жанрах биографики, чем несомненно усилил данную научную дисциплину. Истолковывая «души» А. С. Лаппо-Данилевского, И. С. Тургенева и Ромена Роллана, Иван Михайлович Гревс отображал «столпы мировой культуры». Исторические знания, поданные через литературную и научную эссеистику, позволили сформировать отдельное направление в литературоведении и повлияли на феномен самого историка.

Эпизод первый «Шекспир»

Формированию литературного вкуса юного И. М. Гревса способствовал его учитель IV Ларинской гимназии Виктор Петрович Острогорский (1840-1902) – педагог с большой буквы, чьи идеи органического единства выразительного чтения и анализа литературного сочинения нашли воплощение в книге «Выразительное чтение» (1885 г.).

Иван Михайлович был глубоко привязан к Острогорскому. В очерке, посвящённом памяти учителя, он писал: «Для большинства же гимназистов-"ларинцев", пребывавших в стенах этого учебного заведения в 70-х гг. XIX в., он был центром духовной жизни. Светом, исходившим от его симпатичной личности, красилась и согревалась мрачная и холодная

атмосфера тяжелой учебной действительности, окружавшей обыкновенно детей в рассадниках классического просвещения того времени. Слушая В. П., общаясь с ним, вспоминая его, ученики действительно привыкали соединять с понятиями "школа", "учитель" признак чего-то уважаемого и дорогого, такого, что притягивает к жизни в юности, оставляет заветы зрелому возрасту, дает цельность существованию до старости». Гревс замечал: «В. П. задавался целью не только указать, что читать, но и научить, как это делать. Мы рано привыкли, под его влиянием, к самостоятельной работе "читать с пером в руке", отмечая в особые тетрадки и новые мысли, которые привлекали внимание, и понравившиеся отрывки, и вызванные недоумения. Он советовал заводить для такого "домашнего чтения" толстую тетрадь на целый год, в которой заносился бы непринужденно весь накапливающийся материал выписок, конспектов, вопросов, впечатлений, планов, заглавий найденных или указанных книг и т. д. Он говорил, что так будут сохраняться результаты личных занятий, закрепляться картина ежегодной истории души, которую потом приятно и важно будет пересматривать и передумывать».

Литературное образование дополнялось Острогорским внеклассным чтением, посещением вечеров «Литературного фонда», где свои сочинения представляли И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский. И. М. Гревс писал: «Его мысль направляла домашние занятия отдельных учеников и приводила к сближению между ними. Так, среди моих товарищей уже в V классе возник, под впечатлением преподавания В. П., дружеский кружок, в котором мы занимались вместе литературными, историческими, нравственными, философскими вопросами. Он продержался до самого окончания нами курса гимназии, оказав важное влияние на образование умственного склада его членов, перешел с нами в университет и растаял там только в силу многого различия новых веяний, когда уже выполнил свою функцию».

Историю «Литературного кружка» 1876-1881 гг. по просьбе И. М. Гревса написал другой «ларинец», Михаил Николаевич Чернышевский (1858-1924), который отличался хорошей памятью и талантом систематизатора. «Действия кружка открылись 17 января 1876 г. — в этот день был утверждён устав и произведены выборы». «И. М. Гревс уклонился от президентства по скромности и стал первым секретарем Литературного кружка. Президентом был выбран А. А. Герке, т. к. главным образом собрания проходили у него в доме (в роскошном министерском доме на Морской у Синего моста). Непременные члены: Чернышевский, Цимбиди, Яковлев Владимир. Действительные члены: Селиванов, Яковлев Николай, Россет Феликс и Власов. Кандидаты: Червинский Павел, Петров, Кух. Впоследствии этот маленький и тесный кружок пополнился ещё несколькими членами (Газенвинкель, Дмитриев, Икорников, Корево, Камп, Лагербек и др.), но до конца сохранил

характер тесного интимного кружка молодых людей, с любовью и увлечением интересующихся литературой и искусством. В собраниях принимал участие (в особенности в последние годы) и Виктор Петрович». «Просуществовал кружок ровно пять лет, до 1 марта 1881 г.».

В 1877 г. И. М. Гревс сделал два сообщения: «Характеристика Лаэрта и Офелии» по В. Шекспиру и «Вступление в философию». В 1878 г. он анализировал первую главу из «Истории цивилизаций в Англии» Г. Т. Бокля. Интерес к истории Англии и творчеству В. Шекспира у Гревса поддерживался и тем, что в эти же годы он состоял членом другого объединения — «Кружка литературных вечеров», в который входили: братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги, князь Д. И. Шаховской, А. А. Корнилов, Л. А. Оболянинов, Н. Г. Ушинский, А. Н. Краснов, Н. В. Харламов и В. И. Вернадский, называвшие себя впоследствии членами университетского, Приютинского братства. В гимназическую пору молодые люди около одного раза в месяц собирались на квартире братьев Ольденбургов (на 15-й линии Васильевского острова, в доме № 34, квартире № 4), как самой вместительной, и устраивали литературные встречи. Характер их был самый различный: лекции, декламация, переводы и т. д. Гревс готовился к вечерам систематически и тщательно; занятия литературными переводами он считал значимым явлением в жизни кружка. Осенью 1878 г. он писал подробные «Отчеты о занятиях на литературных вечерах», происходивших у Ольденбургов. Известно, что они были устроены по принципу возникновения и развития литературных жанров и стилей; например, два осенних занятия в кружке были посвящены трагедии; чтобы не расплыться, основное внимание было уделено трагедиям Шекспира.

Окончив гимназию, по указанию В. П. Острогорского, И. М. Гревс работал с переводами пьесы «Венецианский купец» В. Шекспира, остановился на анализе пересказа комедии Г. Ниритца 1873 г. и критике. Учитель и ученик переписывались на протяжении летних месяцев 1879 г. По мере готовности Гревс направлял Острогорскому части рукописи, а тот правил их. Поступив осенью 1879 г. на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета, Гревс заканчивал работу над рукописью. Виктор Петрович предложил Ивану Михайловичу опубликовать первое сочинение в журнале «Детское чтение», где он состоял редактором.

Издание указало вид публикации — историческая новелла (малый авторский жанр эпического рода, позволивший сочетать короткий рассказ с преданиями и иными фольклорными формами). В произведении шесть частей, не соотносящихся с классическими канонами композиции. В первой части Бассанио одалживает деньги у ростовщика еврея Шейлока под поручительство христианского купца Антонио, во второй — Гревс раскрывает мотив вражды христиан и евреев, излагает историю еврейского народа,

в третьей — автор вкратце описывает историю Венеции и объясняет, как в одном из богатейших городов мира сошлись в конфликте представители двух враждующих религий, в четвертой части речь идет о сватовстве Бассанио к Порции в замке Бельмонта, в пятой — о суде между Антонио и Шейлоком, в шестой части описана идиллическая сцена счастья главных героев.

И.М. Гревс долго работал над образом Шейлока, который сложился постепенно. Читатель не испытывает неприязни к еврею, пока речь не заходит о его ненависти к христианам, в частности к купцу Антонио, «человеку хорошему, потому что ему есть чем заплатить», но излишнему гордецу, что «дает займы без процентов» и «ругает» ростовщический барыш Шейлока. Еврей избирает тактику насмешек над Антонио, в конце разговора предлагая заключить пари о выплате неустойки (фунта мяса из тела купца) в случае невозможности погашения векселя. Самые драматические страницы те, когда Шейлок проклинает бежавшую с молодым человеком дочь Джессику и весь свой гнев обрушивает на купца, которого одновременно подстерегают все мыслимые и немыслимые несчастья, он теряет все свои суда на море. У Гревса Шейлок — безжалостен, непреклонен и страшен, он почти лишился рассудка, но движим только одной мыслью — добыть причитающуюся ему неустойку. Поэтому, когда Порция (уже супруга Бассанио), облачившаяся в наряд судьи и вооружившаяся знанием венецианских законов, предлагает Шейлоку деньги, он не слышит голоса разума, а руководствуется только чувством мести. Юрист идет до конца, разоряет еврея и вынуждает его креститься; Шейлок падает духом, но соглашается с решением суда. В конце новеллы он покидает Венецию с укрепившейся затаенной злобой к христианам.

Таков был первый литературный опыт юного И. М. Гревса. «Венецианского купца» он называл «двойственной драмой»: первым её элементом выступала судьба еврейской нации, которая «рассеяна по свету, но соединена братски между собой, составляя единое целое»; вторым элементом была личная трагедия Шейлока, поставившего идею обогащения выше счастья дочери, идеи гуманности и веры своего народа.

Эпизод второй «Роллан»

В годы Первой мировой войны, испытывая отрезанность от европейского культурного мира, И. М. Гревс обратился к переводам произведений Ромена Роллана сначала для души, а после с практической целью познакомить как можно большее число соотечественников с творчеством и личностью великого француза.

В 1917-1919 гг. профессор был привлечён в качестве профессионального переводчика повестей и романов Ромена Роллана (1866-1944) в связи с проектом Максима

Горького под названием «Всемирная литература». Но из-за нехватки средств классические произведения известных во всем мире писателей не были изданы на русском языке, хотя работа по переводам была проделана колоссальная.

Работая над переводами произведений Ромена Роллана в тяжелейший период истории Отечества – революционный 1917 год и годы Гражданской войны, Иван Михайлович испытывал кризис веры. Будучи кадетом, он вынужденно принял советскую власть. Он продолжал преподавать, заложил основы исторического экскурсиеведния и краеведения, а также много переводил, чтобы сводить концы с концами.

Переводя Роллана, историк отдыхал душой. Об этом он не раз писал своим ученикам. Из письма И. М. Гревса к Е. Я. Рудинской от 14 марта 1919 г.: «<...> Затем достиг своей мечты: Перевожу Ромэна (Гревс писал в старинной манере – *О.В.*)» Роллана (Жан-Кристоф), но для неприятного мне издательства (Горьковского). Другого способа не нашёл, решился на этот. Перевёл три тома, работаю над четвёртым. Это даёт бодрость и утешение в периоды особого уныния: могу сесть за перевод в самую тяжёлую минуту <...>».

Обширное введение И.М. Гревса было призвано раскрыть «личность и дело» французского писателя, познакомить советского читателя с наследием «гения латинской культуры». Оригинальным было и подстрочное название текста – «Опыт истолкования души».

Узнав, что проект прекращён, Гревс прервал работу над рукописью, «положил её в стол». Сочинение осталось незавершённым (оно прерывается на теме размышления о религиозном воззрении Жан Кристофа). Зимой 1920-1921 г. профессор прочёл о Роллане цикл публичных лекций в Петрограде, о чём сообщал в письме к Е. Я. Рудинской от 29 сентября / 12 октября 1921 г.

Писал Иван Михайлович легко (хотя обычно его рукописи изобилуют исправлениями и дополнениями). Он делал переводы сочинений Р. Роллана и сразу же приступал к обобщениям во вступительном очерке. Впервые в своём творчестве Гревс предпринял попытку историко-литературного анализа значительного пласта произведений зарубежного писателя. Он не использовал критического подхода. Историк преследовал определённую цель – говорить «о вечных ценностях, спасая их от забвения в моменты исторических бурь». Он писал, что «при чтении «Жана-Кристофа» душу поддерживает целительный источник крепости, какая была необходима, чтобы побороть кризис, сгибавший все существо. Протягивалась сильная рука помощи, виделся блеск пронизательных глаз, чуялось верное и чистое сердце. Благородное и богатое творчество, пронизанное, скажу сейчас же, трагическим оптимизмом, раскрывало явление редкой глубины и неповторимого своеобразия в литературе любимой отрасли «латинской» расы».

Гревс полагал, что в самых общих чертах биография Ромена Роллана должна представлять собой канву его жизни с ответами на вопросы, чаще всего ставившимися в его произведениях. «Детство – в сердце страны (старо-кельтская стихия, переработанная веками); чувство природы, народа; музыка (влияние матери). Отличное образование — классическое (связь с Римом); историческое и литературное. Ранняя принципиальность и религиозность. Знакомство с другими странами и народами (Италия, Германия, Англия, Россия — Толстой и Достоевский). Огромная работа над собой и над окружающими. Великий плод – "Jean Christophe"; роман — поэма — драма о человеке и человечестве; главный герой гениальный музыкант: гения миссия и роль музыки».

Профессор осуществлял разбор литературных, историко-литературоведческих и музыкальных произведений Р. Роллана не в хронологической последовательности создания их автором и даже не в полном объёме, а лишь по мере их значения для раскрытия личности писателя. Произведения французского классика служили для Гревса сигнальной формой того, что разворачивалось в душе Роллана. Апогеем духовного совершенствования писателя историк назвал десяти томный роман «Жан Кристоф», который он анализировал особо тщательно.

И. М. Гревс ставил перед собой грандиозную цель – открыть «мир» Ромена Роллана целокупно русскому читателю, даже больше – «славянской культуре». Достигал он её, давая оценку его творчества и орудия (художественного слова) в произведениях Роллана. Это был довольно новый приём для литературной критики 1910-х гг. Подобный дидактический подход позволил развернуться аналитическому уму исследователя. Часто, обосновывая заявленный метод, И.М. Гревс полемизировал с другими критиками (М. А. Алдановым, Ю. И. Михайловым, Н. Костычевым, А. Я. Левинсоном и др.), аргументированно доказывая свою позицию по разнообразным роллановским сюжетам.

Гревс гармонично осуществлял главную мысль своего повествования – разворачивал историю души своего современника. Стиль, к которому прибегал историк, – вопрошание; он задавал довольно много вопросов, затем отвечал на них, демонстрируя полноту и достоверность своих компетенций, вместе с тем давал оценку различной информации. Всё это выглядит как диалог с предполагаемым читателем.

Произведения Ромена Роллана для И. М. Гревса – это память человека в рамках проявления прошлого, а сам автор – уникальная личность, один из тех, о которых можно сказать, «основа нации и её культурный феномен». Дух Роллана, его «латинской расы», искавший выражения через музыку, историю, литературу – полёт мысли – самовыражение – проповедь (воспитание), адресованные читателю, современнику – ретрансляция через литературных героев собственных нравственных ценностей, – всё интересовало Гревса.

Эпизод третий «Тургенев»

С писателем Иваном Сергеевичем Тургеневым И. М. Гревс познакомился ещё будучи студентом С.-Петербургского университета, когда присутствовал на встречах, устраиваемых Литературным фондом. Его привлекали в Тургеневе сила, благородство, красота, ум и талант. Юношеское благоговение и любопытство переросло в общечеловеческий интерес и биографическое исследование. Биография Тургенева, наряду с монографией о Таците, была последней творческой работой, которой Гревс занимался на закате жизни.

«Опыт истолкования души» Ивана Сергеевича заключался у Гревса в длительном и внимательном собирательстве образа личности великого писателя, являвшего собой преемственную связь между временами. Историк был убежден в необходимости создания такого образа для русской культуры, который содействовал смыканию веков передач в будущее лучшего, что создано прошлым. Гревс именовал Тургенева не иначе как великим русским писателем, поэтом, драматургом, рассказчиком, романистом, превосходным художником слова, замечательным изобразителем жизни и носителем высокого общественного и нравственного идеализма.

Оживление литературы о Тургеневе было вызвано празднованием столетия со дня рождения писателя 9 ноября (28 октября по ст. ст.) 1918 г. По мнению И. М. Гревса, именно тогда заложились фундамент тургеневедения, как особой отрасли или главы науки о нашей литературе.

В 1925 г., собрав исчерпывающую литературу о писателе, профессор отмечал, что для изучения Тургенева наука ещё сделала немного, хотя литература о нём многочисленна. Он считал, что «обработка и опубликование всех произведений Тургенева — настоятельная задача историков литературы (К. К. Истомина, Н. М. Гутьяра, П. Н. Сакулина, А. Е. Грузинцева, Н. К. Пиксанова, Ю. Г. Оксмана и др.

Сам Гревс активно включился в литературскую деятельность и в 1925 г. написал статью о М. П. Драгоманове и Тургеневе, в которой анализировал воспоминания украинского общественного деятеля, публициста Михаила Петровича Драгоманова, лично знавшего Тургенева.

Первым большим опытом Гревса можно назвать обращение к теме Италии, близкой Ивану Михайловичу и Тургеневу. В Ленинграде в 1925 г. вышла книга «Тургенев и Италия». После чего у него вырос общий замысел незаконченного труда под названием «Италия в истории русской интеллигенции», в котором он представлял Италию как лучшую школу гуманности. Труд сразу же нашёл отклик. Основатель «Тургеневского общества» А. Ф.

Кони в письме от 16 марта 1925 г. сердечно благодарил Ивана Михайловича «за высокое наслаждение», доставленное ему книгой.

Особое внимание историк обращал на эпистолярное наследие писателя, поэтому в начале 1930-х гг., будучи в переписке с А. В. Луначарским, тогда директором Пушкинского Дома, настаивал на издании полного собрания писем Тургенева; сообщал о подготовительной работе членов «Общества любителей Российской словесности» при Московском университете и издании каталога выставки в 1900-гг.

Возможность знакомиться с эпистолярным и биографическим наследием И. С. Тургенева появилась у Ивана Михайловича во второй половине 1920-х гг. Из переписки с бывшим учеником, историком и философом Г. П. Федотовым, жившим во Франции, выяснилось, что французский исследователь Мазон, имевший доступ к архиву русского писателя, и, читавший в Collège de France о Тургеневских рукописях, желая сделать из курса семинарий, не мог уделять архиву должного внимания; кроме того, из-за недоговорённости между наследниками, архив был закрыт для третьих лиц. Тем не менее Мазон был готов к сотрудничеству с Гревсом.

В письме своей бывшей ученице по Бестужевским курсам Е. Я. Рудинской от 4 мая 1926 г. профессор высказывал сожаление о своих ограниченных возможностях: «Сегодня получил письмо от Мазон, к которому он сообщает, что хотя есть много писем Тургенева к Виардо ещё не напечатанных, но в них нет ничего, как он выражается конфиденциального или открывающими нечто. С общей моей точкой зрения, насколько я сообщил её ему, он согласен. Сам он письма все читал, но думает, что получить доступ к ним для другого лица (кроме него), будет трудно (может быть, он оберегает свою монополию) <...>».

И. М. Гревс определил свои занятия творческой биографией Тургенева как «состояние тургенелюбия». В статье «О влиянии Тургенева на меня и о соприкосновении с ним» он отмечал: «по справедливости занялся большой работой – замыслил восстановить «биографию его сердца», постараться очистить его память от клеветы и перетолкования его отношения к Виардо. В течение 1925 г., отчасти 1926 г., я написал книгу (листов около 10) «И. С. Тургенев и Полина Виардо, история одной любви». Мне предложила напечатать её московская фирма «Современные проблемы». Теперь я ожидаю корректуры, но что-то затягивается. Очень жду появления этой книги, думаю, что в ней немаловажное исправление картины жизни Ивана Сергеевича».

В 1927 г. долгожданная книга, «История одной любви И. С. Тургенев и Полина Виардо», вышла, а в 1928 г. была уже переиздана, поскольку тираж в две тысячи экземпляров быстро разошёлся. Издательские возможности были крайне ограничены, поэтому часть материалов, не вошедших в книгу, хранится в архиве учёного.

Занятия Тургеневым во многом придавали жизни И. М. Гревса смысл, были отдушиной его израненного сердца. Вынужденный уйти из Петроградского университета в начале 1920-х гг., занявшись делом краеведения, он много ездил по России, встречался с краеведами, участвовал в работе местных краеведческих съездов, активно печатался, был одним из организаторов Экскурсионного института. Краеведческое изучение культуры увлекало его, но не позволяло проявить всю полноту творческой личности, к тому же «надобность в краеведении скоро отпала».

Он писал Е. Я. Рудинской в январе 1925 г.: «Мало ощущаю в себе мужества, и тяжело от этого делается на душе, но трудно пережить падение многих самых дорогих ценностей». Лишь занятия «другими этюдами по Тургеневу» давали ему «умение быть твёрдым в необходимых страданиях».

Тургеневский период учёного был крайне продуктивен, совпав с непростым этапом его жизни. В 1927 г. Иван Михайлович закончил 580-страничную рукопись под названием «Религиозная драма Тургенева. (Опыт истолкования души)», которая до сих пор не издана и хранится в архиве. Летом 1928 г. он, посетив Спасское и Орёл, занялся важной работой «Спасское и Россия в творчестве Тургенева. (Очерки по истории его мирозерцания)». Спасское для Гревс — это основа миропонимания русского писателя, давшее начало таким темам, как «Тургенев и природа», «Дворянская культура» и «Крестьянский мир». В том же году он написал сочинение «Тургенев и Спасское», которое постигла участь предыдущего творения. В 1933 г. Гревс прочёл доклад в Доме литераторов на тему «Тургенев и музыка».

Большая часть объёмных трудов Гревса о Тургеневе писалась в стол. Писателя, как отмечал историк в своих «тургеневских дневниках» «классифицируют чуть ли не как крепостника и контрреволюционера. Критики и литераторы очнулись только в 1938 г., осенью (к 120-летию со дня рождения писателя — *О.В.*)».

Невостребованность наследия писателя на родине и равнодушие читателей тяготили Гревса-литератора. Он, ранимый и замкнутый, часто ещё больше уходил в себя, без объяснения причин, что близкий друг историка со времён Ольденбургского братства князь Д. И. Шаховской называл «спасением бегством».

В начале 1930-х гг. Гревс не «спасался бегством», занимаясь тургеневедением, скорее он выжидал благоприятную возможность для реализации своих проектов. В 1931 г. он вёл мучительную переписку с издательством «Север» об издании книги «Женские образы в жизни Тургенева». Но пройдя многочисленные испытания, он получил окончательный отказ: «В чём дело, спросите Вы? Комитет никаких объяснений своим решениям не даёт, однако, после переговоров с заместителем председателя Комитета можно было уловить, что тема книги не относится к тем, на которые надо выделять бумагу при её теперешнем

недостатке».

Кроме того, в эти годы учёный при содействии академика Н. К. Пиксанова, много переводил и комментировал, так для издательства «Academia» он работал над мемуарами Сен-Симон, «Божественной комедией» Д. Алигьери.

К 1934 г. Гревс закончил писать биографию Тургенева. Больше прежнего он проводил время над перепиской писателя, иногда, отодвинув в сторону все прочие переводы и комментарии. Этим он вновь вызвал неудовольствие Д. И. Шаховского, который справедливо полагал, что такая сосредоточенная работа связана с его уединением и не имеет границ.

Первую половину 1934 г. Гревс был погружён в творчество Тургенева не меньше, чем прежде, однако, те, стеснённые обстоятельства жизни, в которых он и его близкие были вынуждены выживать, не позволили историку открыто поддержать тургеневскую работу в «Academia» и Пушкинском Доме. Семья учёного (и его обширная библиотека) буквально ютилась в небольших комнатах коммунальной квартиры на Васильевском острове. Иван Михайлович, Мария Сергеевна и Екатерина Ивановна Гревсы испытывали постоянные трудности с соседями. Е. И. Гревс страдала расстроеными нервами. Старики-Гревсы жили в большой печали.

В сентябре 1934 г. И. М. Гревса пригласили на только что открытый исторический факультет Ленинградского университета для работы с аспирантами. Со следующего учебного года он был профессором всеобщей истории на кафедре средних веков. Это был долгожданный период «профессорского счастья». Учебные занятия «оттеснили» его от «тургеневских штудий».

Padre преподавал в Ленинградском университете до конца жизни. В день своего ухода, 16 мая 1941 г., и накануне от диктовал Марии Сергеевне «Тацита» и вносил исправления в биографию И. С. Тургенева. Восторженное поклонение и огромную любовь вызывает человек, преданный своему делу.

Близкая ученица профессора И. М. Гревса, Т. Б. Лозинская писала Н. П. Анциферову 19 мая 1941 г. из Ленинграда: «Мария Сергеевна старается работать – переписывает Тацита; решала, что отдаст перепечатать на машинке его воспоминания и статьи о Тургеневе. Пушкинский Дом просил рукописи, но нельзя же отдать, не перепечатав». Ученики, считавшие, что жизнь Padre закончилась в светлый момент, помогали М. С. Гревс с рукописями. Но до тургеневского наследия учителя дело не дошло, началась великая отечественная война. Семья Ивана Михайловича умерла в блокадном Ленинграде в 1942 г. Рукописи хранились в квартире уже без хозяев.